КОНФЛИКТ И СТРАСТЬ

ЦЕНА НАШЕЙ НЕНАВИСТИ

МАРА ДЭЙ

18+

Мара Дэй
Цена нашей ненависти

https://litres.ru/74707628
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад он уничтожил мою семью. Сегодня я добровольно иду в логово зверя.

Картер Кросс — ледяной и безжалостный гений, стерший в порошок компанию моего отца. Я ненавижу его каждой клетокой тела. Но когда жизнь моего младшего брата оказывается на волоске, у меня не остается выбора. Я прихожу в его пентхаус и прошу о работе.

Я думала, он растопчет меня. Вместо этого его темные глаза хищно сужаются: «Ты принята».

Он превращает мои будни в ад, проверяя на прочность и пытаясь сломать. Он уверен, что держит меня на поводке из страха и ненависти. Но Картер не понимает главного: тонкая грань между яростью и безумным желанием уже трещит по швам.

И когда этот лед рухнет, мы сгорим в этом огне оба.

Содержание

Пролог. Точка невозврата 4
Глава 1. Хлоя. Сделка с 7
Глава 2. Хлоя. Добро пожаловать в ад 12
Глава 3. Трещина во льду 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Мара Дэй
Цена нашей ненависти

Пролог. Точка невозврата

Запах антисептика в детских больницах всегда вызывал у меня липкую, подступающую к горлу тошноту. Теперь этот запах стал самой концентрированной, удушливой реальностью моей жизни, ее единственным неизменным компонентом. Я сидела в жестком, продавленном пластиковом кресле у самой кровати Лео, прислушиваясь к монотонному, нервирующему писку кардиомонитора. Каждый этот короткий звуковой сигнал отсчитывал секунды, которые неумолимо ускользали от нас, словно песок сквозь пальцы.

Мой десятилетний брат спал, разметав по подушке светлые кудри, и его бледное, почти прозрачное лицо казалось изваянием из воска в тусклом, болезненном свете ночника. Я осторожно, боясь потревожить его хрупкий сон, поправила тонкое больничное одеяло, стараясь не задеть пластиковую трубку капельницы, зафиксированную на его исхудавшей, синеватой от вен руке. Еще полгода назад он гонял мяч во дворе и смеялся так громко, что звенели стекла в гостиной. Сейчас от этого звонкого смеха остались лишь воспоминания, превратившиеся в осколки, которые каждый день

резали мне сердце изнутри.

Телефон в кармане моего потертого пальто глухо вибрировал. Очередное уведомление из банка. Я даже не стала доставать устройство, чтобы посмотреть на экран, потому что знала наизусть каждую цифру своего катастрофического, уходящего в глубокий минус баланса. Счета за последние процедуры, за дорогие расходные материалы и пребывание в реанимации сожрали последние остатки семейных сбережений, которые отец собирал на мое поступление в колледж. Страховая компания после бесконечных бюрократических проволочек официально отказалась покрывать экспериментальную терапию. Они сослались на «недостаточную клиническую доказательную базу». А без этой терапии... Врачи больше не прятали глаза за дежурными улыбками. Они прямо сказали, что у Лео осталось не больше полугода.

Я закрыла глаза ладонями, чувствуя, как под горячими веками собираются злые, отчаянные слезы. Но плакать было нельзя. Роскошь в виде слез могли позволить себе люди, у которых есть подушка безопасности, время или хотя бы надежда. У меня не было ни того, ни другого. Слезы не способны оплатить счета за лекарства. Слезы не способны заставить сердце моего брата биться дальше.

Мне срочно нужна была работа. Не просто подработка в кофейне на углу или ночная сменщица в круглосуточном маркете на окраине города. Мне требовалась должность, способная принести огромные, нереальные деньги здесь и сей-

час, способная закрыть шестизначные долги перед клиникой. Вчера глубокой ночью, когда больница погрузилась в тяжелый, медикаментозный сон, я от безысходности отправила резюме на вакансию личного ассистента генерального директора в «Кросс-Индастриз» — одну из самых влиятельных и безжалостных инвестиционных корпораций Нью-Йорка. Зарплата там исчислялась шестизначной цифрой, а социальный пакет включал в себя элитную медицинскую страховку, способную покрыть любые счета.

Я прекрасно знала, кому принадлежит эта империя. Знала, чье имя красуется на золотой табличке при входе в самый верхний, изолированный от внешнего мира стеклянный пентхаус.

Три года назад этот человек хладнокровно и расчетливо раздавил моего отца в зале судебных заседаний, уничтожил семейный бизнес, который строился десятилетиями, и вышвырнул нашу семью на улицу, обретя нас на нищету и позор. Я ненавидела Картера Кросса каждой клетокой своего израненного тела, каждым вздохом, каждой мыслью. Его образ олицетворял для меня абсолютное зло. Но когда на кону стояла жизнь моего единственного брата, гордость перестала иметь хоть какое-то значение. Ради того, чтобы сердце Лео продолжало биться, я была готова спуститься в самый глубокий, самый омерзительный круг ада. Завтра утром мне предстояло перешагнуть порог его башни и впервые за три года посмотреть дьяволу прямо в глаза.

Глава 1. Хлоя. Сделка с прошлым

Мои ладони потели так сильно и непрерывно, что я до боли в пальцах сжимала в кулаках ручки дешевого картонного стаканчика с остывшим кофе, боясь уронить его на безупречно чистый мраморный пол.

Сорок восьмой этаж центрального офиса башни «Кросс-Индастриз» был буквально пропитан запахом больших, агрессивных денег. Здесь пахло дорогой натуральной кожей ручной выделки, полированным ценными породами древесины экзотическим деревом, редким парфюмом и тяжелым, звенящим холодом металла. Я судорожно поправила юбку своего единственного приличного строгого костюма, купленного на скорую руку в полупустой комиссионке на окраине Квинса, и попыталась сделать глубокий, размеренный вдох, чтобы унять дикую дрожь в груди.

— Мисс Хейс? — безупречная секретарша с идеальной укладкой в стиле каре и пронзительной, ледяной улыбкой, в которой не было ни капли тепла, кивнула на массивные двустворчатые двери из темного дуба, обитые шумопоглощающим материалом. — Мистер Кросс готов вас принять. Можете входить.

Сердце в груди пропустило дикий удар, а затем сорвалось

с места, забившись где-то в самом горле, перекрывая доступ кислорода. *Мистер Кросс.* Одно только это имя мгновенно вызывало во мне физическую тошноту, тупой приступ головокружения и волну глухой, обжигающей ярости.

Я сжала зубы так сильно, что заныли челюсти, толкнула тяжелую дверь, которая бесшумно подалась под моей рукой, и переступила порог просторного кабинета с панорамными окнами на всю стену, открывающими головокружительный вид на залитый утренним туманом Манхэттен.

Он стоял ко мне спиной, засунув руки в карманы безупречно скроенного темно-синего костюма от Brioni. Широкие плечи, напряженная, словы высеченная из камня линия спины. Когда тяжелая дверь за моей спиной тихо щелкнула, автоматически закрываясь и отрезая меня от внешнего мира, он не спеша обернулся.

Картер Кросс.

Время, казалось, замерло, отказываясь двигаться дальше. Прошло три долгих года, но он ничуть не изменился. Те же пронзительные, темные, почти черные глаза, которые смотрели на окружающий мир с абсолютным презрением хозяина жизни, знающего себе цену. Те же резкие, хищные, будто высеченные резцом черты лица, та же холодная уверенность в каждом движении. От его высокой фигуры исходила такая тяжелая, подавляющая, давящая на психику энергетика, что мне инстинктивно захотелось сделать шаг назад, сбежать обратно в спасительный лифт. Но вместо этого я расправила

плечи и заставила себя вскинуть подбородок еще выше, демонстрируя показную твердость.

Его цепкий, оценивающий взгляд медленно скользнул по моему лицу, на секунду задержался на моих плотно сжатых в тонкую линию побелевших губах, а затем презрительно опустился на дешевый лацкан моего заношенного пиджака. В его темных, бездонных глазах не мелькнуло ни малейшего удивления или растерянности. Только холодный, расчетливый, хищный интерес исследователя, наблюдающего за судорогами насекомого под микроскопом.

— Хлоя Хейс, — его голос прозвучал низко, с красивой, бархатной хрипотцой, которая почему-то предательски пробрала меня до самых костей. — Признаться честно, я никак не ожидал увидеть твое упрямое лицо в своей приемной. Неужели ты решила, что мы в свое время недостаточно разрушили жизни друг друга?

— Вы до основания разрушили мою жизнь, мистер Кросс, — мой голос на секунду дрогнул, выдав внутреннее напряжение, но я тут же железным усилием воли взяла себя в руки, вкладывая в каждое слово весь накопленный за годы яд. — Ваша же, судя по всему, процветает в полном порядке.

Картер неторопливо, с ленивой грацией крупного хищника обошел свой массивный рабочий стол, приближаясь ко мне. Он остановился всего в метре от меня. Слишком близко. В воздухе сразу же отчетливо запахло его дорогим парфюмом — терпким древесным ароматом с отчетливыми нот-

ками черного перца, горького миндаля и чистой опасности.

— Зачем ты пришла сюда, Хлоя? Чего ты добиваешься? — в его голосе не было ни эмоций, ни жалости.

— Вы официально ищете личного ассистента. Я ищу высокооплачиваемую работу. Вот и вся математика.

— Ты ненавидишь меня лютой ненавистью, — он констатировал это как очевидный факт, словно констатировал погоду за окном. — Ты не продержишься здесь и одного рабочего дня, выполняя мои приказы и подчиняясь моим правилам.

— Вы откровенно недооцениваете степень моей мотивации, мистер Кросс.

— А ты катастрофически недооцениваешь то, каким невыносимым, жестким и деспотичным тираном я могу быть, когда захочу, — он слегка склонил голову набок, а его глаза потемнели еще сильнее, превращаясь в черные омуты. — Я выжму из тебя абсолютно все соки. Я заставлю тебя пахать по четырнадцать часов в сутки без права на передышку, аннулирую твои выходные и буду постоянно требовать невозможного. Рано или поздно ты сломаешься.

Я с такой силой впилась ногтями в собственные ладони через ткань брюк, что кожа заныла от боли, но это помогло мне не сорваться на крик. Перед глазами мгновенно встал бледный образ Лео в больничной койке.

— Я не сломаюсь, — тихо, но чеканя каждое слово произнесла я, глядя прямо в его безжалостные глаза без единой

тени страха. — Потому что вы мне нужны. Точнее, не вы сами, а ваши чертовы деньги.

Тишина, повисшая в огромном кабинете, стала настолько плотной и осязаемой, что ее можно было резать ножом. Картер смотрел на меня долгим, немигающим взглядом, изучая каждую мою эмоцию. Между нами натянулась невидимая струна, искрящая от высоковольтного напряжения, замешанного на старых застарелых обидах и каком-то странном, запретном притяжении, которому я отказывалась давать имя.

Наконец уголок его идеальных губ чуть заметно дрогнул в холодной, жестокой усмешке.

— Хорошо, мисс Хейс, — тихо выдохнул он, не разрывая зрительного контакта. — Вы официально приняты на испытательный срок. Ваша персональная преисподняя начнется завтра ровно в восемь утра. Смотри не опоздай.

Глава 2. Хлоя. Добро пожаловать в ад

Семь сорок пять утра следующего дня. Мои новые черные лакированные лодочки, купленные на последние деньги в дисконт-центре, уже успели стереть пятки в кровь, но я заставила себя переступить порог приемной на сорок восьмом этаже уверенным, чеканящим шаг.

— Доброе утро, — я подошла к просторной стеклянной стойке ресепшена, за которой сидела та самая девушка с безупречным каре и яркой матовой помадой.

Она подняла на меня свои выразительные глаза, в которых отчетливо читалась сложная смесь искренней жалости, профессионального ужаса и жгучего женского любопытства.

— Ты, должно быть, та самая сумасшедшая Хлоя, рискнувшая занять это кресло. Я Джессика, — она слегка понизила голос, хотя в огромном приемном зале мы находились абсолютно одни. — Официально приветствую тебя на эшафоте. Ты новенькая смертница на заклание.

— Всё действительно настолько плохо, как кажется со стороны? — горько усмехнувшись, попыталась разрядить обстановку я, хотя внутри все сжималось в ледяной комок.

Джессика выразительно закатила глаза к потолку и нервно постучала алым ногтем по столешнице.

— Милая моя, я понятия не имею, какими черными заговорами ты пробила его броню на собеседовании, но твоя предшественница в истерике выбежала из этого кабинета ровно на третий день, рыдая навзрыд. Запомни базовые правила выживания, если хочешь дожить до конца недели: никогда, слышишь, никогда не смотри ему в глаза дольше трех секунд. Не спорь с ним ни по какому поводу — для него существует только его мнение и ошибочное. Кофе он пьет строго черный, без единой граммульки сахара, температура должна быть ровно восемьдесят два градуса. Если босс молчит целый день — это вовсе не значит, что он доволен твоей работой. Это значит, что в эту самую секунду его гениальный мозг разрабатывает изощренную стратегию твоего увольнения. Уяснила?

Я тяжело сглотнула слюну, чувствуя, как внутри меня вместо страха закипает глухая, злая решимость. *«Разрабатывает стратегию увольнения»*. Картер Кросс три года назад уже отобрал у меня всё, что я любила. Больше у него просто не было рычагов влияния на меня.

Ровно в восемь часов ноль-ноль минут я уверенно толкнула дверь, ведущую в личную приемную, примыкающую к его кабинету. Через звуконепроницаемую стеклянную перегородку я отчетливо видела его. Картер уже был на месте, словно вовсе не покидал этот офис на ночь. Он сидел без пиджака, рукава его идеально выглаженной белоснежной рубашки были небрежно закатаны до локтей, демонстрируя ре-

льефные, сильные предплечья с легкой золотистой дымкой волос. Его лицо выражало такое свирепое, абсолютное сосредоточение на графиках в мониторе, будто он собирался силой мысли испепелить корпоративных конкурентов.

Я сделала глубокий вдох, постучалась для приличия и вошла внутрь, бесшумно опуская на его полированный стол фарфоровую чашку с тем самым идеальным черным кофе.

Он даже не поднял головы в мою сторону, продолжая сверлить глазами экран.

— На твоем рабочем столе лежат три объемные папки с детальными финансовыми отчетами по нашему слиянию с технологическим гигантом «Орион Тек», — его низкий голос прозвучал сухо, холодно и отрывисто, словно удары армейского хлыста. — К концу рабочего дня мне необходима готовая сводная аналитика ключевых рисков, глубокая перекрестная проверка всех материальных активов и презентация для экстренного заседания совета директоров.

Я на секунду замерла, ошеломленная масштабом поставленной задачи.

— Когда именно вы хотите увидеть этот результат на своем столе?

Картер наконец медленно оторвал взгляд от монитора. Его темные, непроницаемые глаза в упор встретились с моими, и в просторном кабинете мгновенно стало физически не хватать кислорода.

— Сегодня ровно в шесть часов вечера. Ни минутой поз-

же.

Это была заведомо, демонстративно невыполнимая задача. Такой объем аналитической работы обычно поручали целому профильному департаменту из десяти человек как минимум на неделю кропотливых расчетов. Он прекрасно знал это. Я тоже прекрасно это понимала. Это был чистой воды психологический тест, проверка на прочность — он бросал мне вызов в надежде, что я испугаюсь, сломаюсь под этим прессом и сбегу сама.

— Что-то не так, мисс Хейс? — в его бархатном голосе отчетливо скользнула ядовитая, издевательская нотка. — Задание показалось слишком сложным для выпускницы экономического факультета? Если у тебя слабые нервы, ты можешь прямо сейчас написать заявление по собственному желанию. Бланк у Джессики на стойке.

Я резко вскинула подбородок, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Образ брата в больнице вспыхнул перед глазами яркой вспышкой, выжигая страх.

— Всё в абсолютном порядке, мистер Кросс. К шести часам вечера всё будет у вас на столе.

Я развернулась на каблуках с грациозной холодностью и вышла из кабинета, спиной физически ощущая его тяжелый, прожигающий взгляд.

Следующие десять часов превратились в сюрреалистический кошмар, в бесконечную карусель из цифр, формул, макросов и литров крепкого кофе. Я даже не вставала из-за

стола, пропустив обеденный перерыв. Я совершенно не чувствовала адской боли в стертых в кровь ногах. Я превратилась в бесчувственный робот, работающий на чистой, концентрированной силе ненависти к человеку, который сидел за стеклянной стеной. Несколько раз за день я случайно ловила на себе его пристальный взгляд — темный, гипнотический, обжигающий даже на расстоянии, но стоило мне поднять голову, как он демонстративно возвращался к своим документам.

Без пяти минут шесть я закончила последние штрихи презентации, отправила файлы на печать, скрепила страницы дрожащими от перенапряжения пальцами и шагнула в его кабинет.

Я молча положила увесистую папку в центр его стола.

— Сводная аналитика рисков, полная проверка активов и готовая презентация для совета директоров. Именно так, как вы заказывали, мистер Кросс.

Картер медленно откинулся назад на спинку своего кожаного кресла. Он смотрел на лежащую папку так, будто это была ядовитая тропическая змея. Затем его холодный взгляд скользнул по мне — по моим растрепавшимся волосам, бледной коже лица с синяками от недосыпа и слегка помятой блузке. Тишина в помещении стала звенящей.

Он протянул руку, открыл папку и начал методично, страница за страницей, просматривать отчет. Прошла минута. Две. Пять долгих минут.

Я стояла неподвижно, сцепив руки за спиной настолько сильно, что ногти болезненно впивались в кожу. Если бы он сейчас сказал, что всё сделано неверно, я бы расплакалась прямо перед ним.

Наконец Картер с глухим стуком захлопнул папку. Его лицо осталось совершенно непроницаемым. Лед. Чистый, безжалостный арктический лед.

— Вы свободны, мисс Хейс, — ровным, бесцветным тоном произнес он.

Ни единого слова благодарности. Ни малейшего признания того, что я совершила невозможное за один день.

— До завтра, мистер Кросс, — сквозь зубы процедила я, круто разворачиваясь к выходу.

— Мисс Хейс, подождите, — его низкий голос мгновенно остановил меня у самой двери. Я медленно обернулась. Картер смотрел на меня из-под слегка опущенных темных ресниц, и в глубине его глаз на секунду мелькнуло что-то дикое, темное, совершенно нечитаемое. — Завтра мы летим в срочную командировку в Чикаго. Жду вас в офисе завтра в шесть утра. И да, ради всего святого, купите себе нормальный кофе — от вашей дешевой бурды невыносимо болит голова во всем крыле.

Я яростно стиснула зубы, чтобы не высказать ему всё, что думаю, коротко кивнула и вылетела за дверь.

Я только что выиграла свой первый раунд в этой войне. Но настоящая буря была еще впереди.

Глава 3. Трещина во льду

Тишина ночного офиса на сорок восьмом этаже всегда действовала на меня успокаивающе. Город под ногами расстилался мириадами огней, превращаясь в безмолвную, математически точную шахматную доску, где каждый ход, каждое слияние и поглощение были просчитаны мной наперед. Я привык контролировать всё: фондовый рынок, высокорисковые активы, людей вокруг себя, собственное ровное дыхание. Моя жизнь была выстроена из холодных алгоритмов и безупречной дисциплины.

Но сегодня этот идеальный, стерильный порядок дал заметную, раздражающую трещину.

Я медленно откинулся на высокую спинку кожаного кресла, устало потер переносицу и бросил тяжелый взгляд на увесистую картонную папку, лежащую точно посередине моего идеального стола. Рядом в хрустальном бокале остывал и терял вкус дорогой односолодовый виски, к которому я за весь вечер так и не притронулся. Взгляд снова и снова возвращался к ровным строчкам отчета.

Хлоя Хейс.

Когда она появилась в моей личной приемной три дня назад — в этом нелепом, безвкусно пошитом дешевом костюме, с заметно дрожащими пальцами, но с безумным, обжигающим вызовом в упрямом взгляде — я хотел раздавить

ее в первые же две минуты нашего разговора. Я дал ей заведомо невыполнимую, физически неподъемную для одного человека задачу по слиянию с «Орион Тек». Целый аналитический отдел из десяти высокооплачиваемых сотрудников ковырялся бы в этих запутанных финансовых отчетах минимум неделю, срывая дедлайны и жалуясь на переработки. Я искренне рассчитывал, что она сломается к обеденному перерыву, в истерике расплачется, бросит бейдж мне в лицо и сбежит, навсегда избавив меня от этого ежедневного мазохизма, от необходимости видеть ее здесь.

Вместо этого она молча, стиснув зубы, пахала десять часов подряд. Без перерыва на обед. На стертых в кровь ногах, даже не пытаясь показать слабость.

Я снова и снова вспоминал ее осунувшееся лицо в тот момент, когда она положила готовую папку прямо передо мной. Бледное, до предела измученное напряжением, с глубокими темными тенями под глазами, но с невероятно гордо, с вызовом вскинутым подбородком. В ней не осталось абсолютно ничего от той наивной, испуганной девчонки трехлетней давности, чей беззаботный, теплый мир я хладнокровно и расчетливо разрушил в суде. Теперь передо мной стояла взрослая, отчаянная женщина, готовая с каменным лицом пойти по трупам конкурентов и по собственным принципам ради своей неведомой цели. И эта яростная, слепая целеустремленность, помноженная на глухую ненависть ко мне, почему-то сводила меня с ума, лишая привычного кон-

троля над собой.

Я вспомнил ее запах — странная, будоражащая рецепторы смесь дорогого цветочного парфюма и дешевого, пережаренного офисного кофе из автомата, от которого меня почему-то не тошнило, как я ожидал, а который, наоборот, преследовал меня весь этот чертов вечер. Каждый раз, когда я вдыхал воздух в кабинете, мне казалось, что она всё еще стоит у моего стола.

— Завтра мы летим в Чикаго, — грубо бросил я ей на прощание, сам до конца не осознавая, зачем мне понадобилось тащить ее, неопытную ассистентку, в эту сложную командировку, где предстояли жесткие переговоры.

Правда заключалась в том, что я просто не хотел выпускать ее из поля своего зрения. Мне физически было необходимо держать ее рядом, под рукой, под своим постоянным, прицельным контролем, чтобы доказать самому себе одну простую истину: она всего лишь моя подчиненная. Обычная, заменимая пешка в большой корпоративной игре. Никто. Пустое место, инструмент для достижения целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.